

политика

А.И.Швырков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ, ДИСКУРС И ИДЕОЛОГИЯ

Ключевые слова: теория, дискурс, идеология, идеологические высказывания, ретроспективное понятие

В настоящей статье я хочу рассмотреть несколько важных вопросов, касающихся отношений между политической теорией и политическим дискурсом.

Теорию я понимаю в самом узком, классическом смысле — как состоящую из наиболее общих положений. С этой точки зрения так называемые теории среднего и тем более нижнего уровня абстракции *per definitionem* теориями не являются. Вместе с тем я признаю возможность существования теоретических положений (высказываний), не образующих теории. Другими словами, я допускаю наличие в текстах, не являющихся теориями в моем понимании, высказываний, представляющих собой широкие теоретические обобщения. Благодаря такой своей природе подобные высказывания вполне могут войти в ту или иную теорию или даже *составить* теорию.

В свою очередь, под политическим дискурсом я понимаю такой дискурс, который (1) производится политическим субъектом и (2) носит публичный характер.

Прежде чем перейти к собственно анализу отношений между политической теорией и политическим дискурсом в описанном выше значении, следует ответить на вопрос: почему вообще можно — или нужно — говорить о каких-то отношениях между ними (не по факту — ведь чтобы убедиться в наличии связи между этими феноменами, достаточно элементарных наблюдений за политической жизнью и хотя бы поверхностного знакомства с политической теорией, — а в принципе, так сказать, а priori)? Ответ может быть таким. Политическая коммуникация (а именно в коммуникации часто видят сущность политики) — это почти всегда коммуникация по поводу сложных (часто — сверхсложных) систем, каковыми являются человеческие общества. Мобилизация, управление и прочие действия и результаты, которые совершают или которых хотят достичь политики применительно к таким системам (обществам), не могут быть совершены или достигнуты «кустарными методами» — например, с использованием бытовой лексики. То есть политики с необходимостью должны обращаться к теории, поскольку только она способна обеспечить их понятийным и концептуальным аппаратом, хотя бы в минимальной степени достаточным для того, чтобы вести речь о тех объектах, процессах и т.д., о которых приходится говорить политикам.

Теперь непосредственно о паре «теория — дискурс». Само по себе существование некоей политической теории не подразумевает автоматического «запуска» соответствующего политического дискурса. Теория может десятилетиями (а то и столетиями) лежать мертвым грузом, оставаясь невостребованной политическим сообществом. Что касается причин, по которым политики обращаются к той или иной теории, начинают апеллировать к ней в политических дискуссиях, обосновывать с ее помощью те или иные конкретные преобразования политических и прочих институтов, то такие причины заслуживают отдельного подробного разбора, выходящего за рамки данной статьи.

Стоит заметить, что связь между теорией и политическим дискурсом чаще всего опосредована как минимум еще одним звеном, еще одним видом дискурса — научным. Действительно, политики обычно начинают использовать идеи, изложенные в той или иной теории, лишь после того, как теория прошла обкатку в научной среде, в научных дискуссиях. Эти дискуссии могут принимать разные формы — прямых диспутов, обсуждений на страницах научной печати и т.д. Более того, между попаданием теории в научную среду и началом ее применения в среде политической может пройти довольно много времени. Или теория, даже активно используемая научным сообществом, вообще не найдет своего потребителя в среде политиков (и здесь мы опять возвращаемся к вопросу о причинах «перетекания» теорий в политический дискурс).

Например, довольно популярные сегодня идеи теории неопатриониализма, через призму которых многие исследователи пытаются анализировать процессы, происходящие на постсоветском пространстве¹, полностью отсутствуют в дискурсе политическом (и, возможно, туда и не попадут).

¹ См., напр. Фисун 2006.

Сходную ситуацию описывает Борис Капустин: «...дискурс о множественности „капитализмов“, процветая на Западе в академическом мире, почти не проникает в политическую публицистику, даже левой ориентации, и, тем более, не конкретизируется в виде программ борьбы»². На тот же феномен обращает внимание Ян-Вернер Мюллер: «...экзистенциализм был необычайно популярен как культурный стиль. Но перейти в разряд партийной политики ему так и не удалось»³.

² Капустин 2010: 411.

³ Мюллер 2013: 211.

Существуют ли критерии, позволяющие определить, что та или иная теория в принципе пригодна для использования в политической борьбе (помимо, естественно, того бесспорного факта, что она должна касаться устройства общества)? В первом приближении можно предположить, что такая теория должна содержать в себе некие конкретные рекомендации по преобразованию общества (то есть быть *модернистской*). Однако этот момент еще нуждается в прояснении. Не исключено, что кроме упомянутого выше «бесспорного факта» никаким другим критериям теория удовлетворять не должна.

Очевидно, что попадание идей, сформулированных в теории, в политический дискурс становится возможным только тогда, когда

появляется группа людей, более или менее хорошо знакомых с теорией и систематически использующих ее в политической борьбе. Эти люди могут искренне верить в данную теорию или же просто использовать ее как «информационное прикрытие». Но в любом случае — верят они или нет — «перетекание» теории в дискурс происходит⁴.

⁴ См., напр. Skinner 1974.

Следует отметить, что людей, непосредственно знакомых с теорией, как правило, не так много. Чаще всего люди получают представление о тех или иных идеях, рассматриваемых в теории, *из дискурса*. Понятно, что в такой ситуации их знакомство с теорией может оказаться очень поверхностным.

Вопрос о том, в какой мере та или иная модернистская теория *действительно* побуждает (пусть и посредством дискурса) людей к совершению неких поступков, направленных на изменение социально-политической или даже физической реальности, а в какой служит просто *ширмой* (опять же в виде дискурса), в контексте рассматриваемой в данной статье проблемы не существенен.

Одна теория может порождать несколько дискурсов. В одном дискурсе могут себя проявлять несколько теорий. Любой дискурс, вне сомнения, куда менее структурирован, чем теория. Можно также предположить, что чем мощнее теория, тем мощнее порожденные ею дискурсы.

Теория порождает дискурс, однако можно ли утверждать, что между теорией и дискурсом имеется некое отношение подобия, так сказать, *изоморфизм*? Думаю, что нет. На мой взгляд, метафора *порождения* здесь действительно наиболее удачна. Отношения между теорией и дискурсом примерно такие же, как между родителями и детьми: хотя родители и порождают детей, дети не тождественны родителям и могут быть (становятся) вполне от них независимыми. Отсюда следует, что теория и порожденный ею политический дискурс способны развиваться достаточно независимо друг от друга. Иными словами, изменения в теории вовсе не обязательно влекут за собой изменения в дискурсе (по крайней мере, немедленные и непосредственные). Теория может уйти далеко вперед, тогда как дискурс будет топтаться на месте или вообще исчезнет. В подобной ситуации мы можем вести речь о несовпадении скорости и ритма изменений, то есть о расхождении *количественного* плана. Но возможны и расхождения *качественные*, когда дискурсы и теории трансформируются в соответствии с разными законами.

Противоречия между двумя теориями могут быть сняты в результате создания синтетической теории, которая включит их в себя как *частные случаи*. Для расходящихся между собой дискурсов какого-либо *метадискурса* не требуется. Противоречащие друг другу утверждения, принадлежащие разным дискурсам, вполне могут сосуществовать в одном *поле*⁵. Аналогичным образом обстоит дело и с антагонистическими дискурсами, *т.е.* дискурсами, основанным на антагонистических теориях (например, либерализме и коммунизме). Сегодняшняя политика дает тому множество примеров.

⁵ О поле дискурса см., напр. Йоргенсен 2008.

В контексте взаимоотношений теории и политического дискурса важнейшей мне представляется проблема *идеологии*. Почему — станет ясно из дальнейшего.

Когда мы говорим об идеологии, то чаще всего хотим знать, в какой мере та действительно мотивирует, а в какой исполняет роль обычной рационализации. То же самое применительно к легитимации: в какой мере идеология действительно убеждает в легитимности того или иного института, а в какой служит просто способом представления некой реальности? И, возможно, главный вопрос: насколько теория *искажается* в идеологии? К нему я сейчас и обращусь.

Итак, предположим, что некоторое понятие используется для обозначения некоторого подмножества множества феноменов. Характеризуя эти феномены с помощью указанного понятия, мы тем самым отделяем их от других феноменов данного множества. Предположим также, что при более детальном изучении отличия тех феноменов, которые мы охарактеризовали с помощью соответствующего понятия, от других феноменов множества оказываются не настолько значительными, чтобы можно было с уверенностью выделять их в особый вид и закреплять за ними специальное понятие. Как следует поступить в такой ситуации? Мы должны либо отказаться от этого понятия, либо попытаться вложить в него принципиально иное содержание. Именно так, на мой взгляд, обстоит дело с политической идеологией.

Действительно, первоначально данное понятие использовалось для того, чтобы охарактеризовать некую связанную совокупность высказываний, тем самым отделив ее от других подобных совокупностей. Однако при дальнейших исследованиях и размышлениях ученые и философы все больше убеждались, что важнейшие признаки, которые они приписывали идеологии (или, по-другому, те признаки, которые они собственно и считали конституирующими это понятие), наличествуют и в тех феноменах, которые они к идеологиям не относили. Иными словами, специфика идеологии как бы начинала пропадать, а идеологии растворяться среди других феноменов (например, социально-политических теорий).

Насколько данный процесс был или является осознанным, описывается ли он в тех категориях, в которых его описываю я, судить не берусь. Вместе с тем совершенно очевидно, что многие исследователи уже давно искали (и ищут до сих пор) выход из этого положения (по крайней мере, некоторые их, исследователей, усилия выглядят так, как будто они действительно осознают, возможно — смутно, сложившуюся ситуацию и пытаются на нее реагировать). Вспомним хотя бы Луи Альтюссера с его идеологическими аппаратами государства⁶ или относительно недавний пример Славоя Жижека⁷.

И все же, как мне кажется, большинство исследователей, так сказать, до последнего держатся за привычное понимание идеологии, продолжая в той или иной мере «плясать» от Марксова ее понимания — причем даже тогда, когда его критикуют. На мой взгляд, пришла пора

⁶ Альтюссер 2011.

⁷ Жижек 1999.

более радикальных мер. Некоторые шаги в этом направлении я попытаюсь здесь предпринять. Но прежде необходимо определиться с рядом ключевых понятий.

Прежде всего, я предлагаю различать собственно *идеологию* и *идеологические высказывания*.

Чаще всего под идеологией понимают глубоко структурированную, охватывающую большинство важнейших сфер жизни общества систему представлений, энергично продвигаемую/поддерживаемую той или иной группой с той или иной целью. Такой целью может быть захват или удержание власти, переустройство общества (государства) и т.п.⁸

⁸ *Альтернативные толкования идеологии см., напр. Тузиков 2003; Мухоморов 2012.*

Идеологическое же высказывание представляет собой оценочное суждение по поводу тех или иных общественно-политических событий и явлений, артикулированное субъектом политического процесса (президентом, депутатом, ангажированным экспертом и т.п.). Очевидно, что любое идеологическое высказывание — это политический дискурс (хотя, возможно, политический дискурс не всегда состоит из идеологических высказываний). В отличие от идеологий, которые *центрируются* вокруг некоей концепции (идеи), идеологические высказывания центрируются вокруг порождающего их субъекта.

Казалось бы, при таком раскладе идеология есть не что иное, как совокупность идеологических высказываний. Однако это только на первый взгляд.

⁹ *Шварков 2010.*

В одной из более ранних своих статей⁹ я ввел категорию *ретроспективного понятия*, используя ее применительно к *картине мира*. Ввиду несомненной значимости соответствующего фрагмента для рассматриваемых здесь сюжетов приведу его дословно.

«Важным представляется вопрос об описании картины мира, общей для значительных масс людей, то есть некой *усредненной* картины мира...

Прежде всего, хочу обратить внимание на следующие важные моменты. Во-первых, когда говорят о такой картине мира, то, как правило, речь идет о картине мира, которая существовала на протяжении какого-то достаточно длительного времени. Как правило, на протяжении десятков и сотен лет. Во-вторых, отрезок времени, по отношению к которому мы говорим о соответствующей картине мира, обычно никогда не бывает произвольным, случайным. Это всегда некий законченный, целостный период, это всегда *эпоха* (или, в терминологии Иммануила Валлерстайна, „мир-система“). То есть то, что имеет свое логическое начало и свой логический конец. До этого начала и после этого конца картина мира всегда принципиально иная, чем между ними. *Именно окончание некоего периода, эпохи позволяет начать говорить о соответствующей картине мира, позволяет просто хотя бы ставить вопрос о ней*. Пока эпоха не закончилась, ни у кого просто не возникает мысли о соответствующей картине как чем-то конкретном¹⁰.

¹⁰ *Ср.: «...любое событие истории, начало которому дает человек, и все роли, сыгранные человеком в истории, обретают свой подлинный смысл только тогда, когда этот период истории приходит к своему завершению» (Арендт 2011: 65).*

Напомню, речь в данном случае идет о некой усредненной картине мира, а не о частных или ситуативных картинах (например, о науч-

ной картине мира, которая вполне может быть *современной*, или картина мира отдельного индивида или группы лиц).

Вследствие этого я предлагаю считать понятие картины мира понятием *ретроспективным*, то есть таким, которое наполняется реальным содержанием только в исторической перспективе. По-другому, то есть не ретроспективно, картина мира как нечто целостное, определенное существовать просто не может.

Конечно, мы можем попытаться определить сущностные черты, например, современной картины мира, однако мы никогда не сможем быть уверены, что те черты, которые мы укажем, действительно сущностные, действительно важные, конституирующие. Возможным же это становится только тогда, когда соответствующая эпоха закончится. Только тогда станет понятно, что было важно, а что нет»¹¹.

¹¹ Шварков 2010: 40.

На мой взгляд, точно так же обстоит дело и с понятием идеологии. Иными словами, феномены, из которых абстрагируется данное понятие, приобретают реальное содержание исключительно в результате ретроспекции, чаще всего через анализ текстов той или иной эпохи. Находим же мы идеологию в настоящем только за счет «опрокидывания» соответствующего понятия из прошлого. То есть идеология — это способ репрезентации прошлого опыта на основе исторических текстов¹² (текстов, относящихся к прошлому, написанных в прошлом). Применительно же к сегодняшнему дню мы говорим об идеологии скорее по аналогии: раз мы отыскивали ее в прошлом (точнее, в текстах), значит, она должна быть и в настоящем и, скорее всего, в будущем. Однако это не собственно отыскивание (идентификация, выделение сущностных характеристик и т.д.), а скорее ощущение того, что она, идеология, где-то *должна быть*. По-другому: обнаружив идеологию для прошлого (именно «для», а не «в», так как в прошлом идеологии, строго говоря, не было), мы начинаем искать ее в настоящем — и, естественно, находим: наклеиваем соответствующий ярлык на все, что хотя бы отдаленно напоминает тот образ, который был вычленен из текстов минувшей эпохи. Но в настоящем мы можем найти только прошлые идеологии — те, которые отыскивали в текстах прошлого. И все бы ничего, но возникает одна проблема: из-за такого подхода мы не видим в настоящем ничего, кроме идеологий прошлого. Вернее, видим исключительно тот материал, который можем связать с образом какой-либо прошлой идеологии. Все остальное представляется нам чем-то случайным, неструктурированным, бесформенным. На самом же деле именно это остальное лучше всего характеризует современную нам эпоху, являясь тем специфическим *добавочным содержанием*, которое она прибавляет к содержанию, оставленному эпохами предыдущими.

¹² Если не способ репрезентации самих этих текстов, что было бы, на мой взгляд, и более строгим, и более адекватным утверждением. Ср. такую трактовку идеологии с пококковским пониманием парадигмы (Росок 1971).

¹³ Подобное переключение как раз и характеризуется теми разрывами дискурса, о которых пишет Мишель Фуко (Фуко 1994).

Нечто, рождающееся сегодня, не воспринимается как идеология (i.e. как нечто целостное). Возможно, такое его восприятие возникает тогда, когда заканчивается одна эпоха и начинается другая (аналогично с картиной мира), то есть при переключении с одного способа существования (а значит, и мышления), на другой¹³. Поскольку же переключе-

¹⁴ Можно сказать, что новые политические битвы всегда ведутся под знаменами старых идеологий.

чение происходит довольно медленно, та или иная идеология продолжает еще какое-то время сохраняться (правда, теперь уже как собственно «идеология», то есть будучи осознанной, идентифицированной, извлеченной из текстов)¹⁴. Но восприятие ее в качестве идеологии как раз и свидетельствует о том, что эпоха, породившая идеи и представления, совокупность которых впоследствии была окрещена «идеологией», уже закончилась. Отсюда с очевидностью следует, что о *содержании* коммунистической (либеральной, фашистской и т.д.) идеологии начинают всерьез говорить тогда, когда эпоха, породившая соответствующие идеи, подошла к концу. Восприятие же сегодняшней реальности через какую-либо из этих идеологий (или их комбинацию) ничего не говорит о том новом, что рождается сегодня.

¹⁵ Тузиков 2003: 108.

NB! Позволю себе привести цитату, которая очень точно укладывается в данный контекст: «...корпус идей/идеологием основных идеологий XIX в. мыслится как более или менее гомогенный и отражающий четко выраженные групповые интересы базовых (с точки зрения разделения труда) социальных групп общества. Идеологии же второй половины XX в. не выглядят в этом плане столь однозначно однородными»¹⁵. Или другая цитата: «...далеко не очевидно, что термин „сталинизм“ обозначает какую-либо идеологию... В сущности, обозначение „сталинизм“ получило широкое распространение только после смерти Сталина. Можно даже утверждать, что „сталинизм“ — понятие постсталинистское»¹⁶.

¹⁶ Мюллер 2013: 131.

¹⁷ Мангейм 1994.

Может показаться, что все сказанное выше — лишь очередная версия «Идеологии и утопии» Карла Мангейма¹⁷. Однако это не так, поскольку оппозиция «идеология — утопия» тоже есть не что иное, как ретроспективная конструкция, бессознательно «опрокинутая» из прошлого в настоящее. Утопия — это не просто теория, которая содержит в себе существенный элемент проектирования будущего. Это теория, о которой можно сказать, что она была опробована в качестве руководства к переустройству мира и в результате признана негодной, то есть «утопичной». Другими словами, теория может быть признана утопией только в ретроспективе.

Еще одно возможное возражение. Все наши знания хотя бы отчасти построены на анализе прошлого, и по-другому быть не может. С этим, конечно, нельзя не согласиться, но должен заметить, что если, например, речь идет об анализе свойств физического объекта, то, как правило, этот объект присутствует в настоящем и, скорее всего, будет доступен для исследования в ближайшем будущем. Совсем по-иному обстоит дело с идеологией: сегодняшней идеологии, строго говоря, не существует (именно сегодняшней, а не тех, которые мы уже извлекли из текстов прошлого); существуют только утверждения, совокупность которых, возможно, когда-нибудь будет названа идеологией. Ее, эту совокупность, станут изучать, о ней напишут книги и т.д. Однако

мы не знаем, да и не можем знать, какие именно утверждения со временем будут отнесены к «современной» идеологии. Поэтому и изучать современную идеологию мы в принципе не можем (как и современную картину мира). Максимум, что мы можем, — это определить, какие высказывания сегодня являются идеологическими (идеологическими в том смысле, в каком мы условились употреблять данное понятие). Ну и, естественно, находить высказывания, ассоциирующиеся со старыми идеологиями (вообще, исходя из изложенного выше, все идеологии старые, нестарых идеологий в принципе не бывает — именно поэтому я и называю это понятие ретроспективным)¹⁸.

¹⁸ Ср.: «...не совсем понятно, как быть, если отсутствует канонический идеологический текст, в котором отражена та или иная доктрина (например, современный неоконсерватизм довольно многолик)» (Тузиков 2003: 330).

¹⁹ Skinner 1969.

²⁰ Фуко 1994.

Следует отметить, что понимаемая подобным образом идеология вполне удовлетворяет тем характеристикам, которые Квентин Скиннер связывал с «великими теориями» или «вечными идеями (проблемами)»¹⁹. Вместе с тем можно с высокой степенью вероятности предположить, что «конструирование» автора по Фуко и «конструирование» идеологии (как ретроспективного понятия) суть *однотипные* операции²⁰.

Важно понимать, что политические элиты способны производить лишь идеологические высказывания, но никак не идеологии. Применительно к современной эпохе что-то определенное можно сказать только об идеологических высказываниях, а не об идеологиях — ведь содержание последних просто неизвестно, ибо они еще *не родились*.

Как уже говорилось, идеологические высказывания всегда имеют отношение к дискурсу. Напротив, идеология, коль скоро она является ретроспективным понятием, сама по себе никакого отношения к собственному дискурсу не имеет и иметь не может.

Ситуация здесь выглядит так. Идеология возникает, будучи абстрагирована (извлечена) из исторических документов, и первоначально существует исключительно на страницах научных трудов. Но, повторю, не в качестве самостоятельного объекта типа теории (квазитеории и т.п.), а как результат осмысления с определенных теоретических позиций некоей совокупности исторических документов (теорий, манифестов, статей и т.д.). После того как идеология возникла, политические акторы (или иные субъекты, например ученые, эксперты и др.) могут «маркировать» некоторые свои или чужие *идеологические высказывания* той или иной идеологической меткой (скажем, утверждая, что данное высказывание — это «коммунизм»). Именно таким образом идеология проникает в дискурс.

В связи со сказанным напрашивается очевидный вывод: *идеология не является упрощенным, уплощенным вариантом какой-либо теории* (например, теории Карла Маркса; хотя что считать теорией Маркса — тот еще вопрос!). То есть идеологию неверно толковать как непосредственное «неполноценное» порождение какой-либо теории; это скорее порождение определенного теоретического подхода, способа мышления, способа структурирования некоего массива текстов.

²¹ См. Швирков
2006.

NB! В своей кандидатской диссертации²¹ я провел различие между *искусственным интеллектом* и *искусственными интеллектуальными системами*. Под первым я понимал *идею* некоей несуществующей искусственной системы, обладающей всеми возможностями человеческого интеллекта. Под вторыми — *реально существующие* системы, создаваемые для решения насущных практических задач, причем зачастую без всякого намерения моделировать или имитировать человеческий интеллект. Отношение между идеологией и идеологическими высказываниями сродни отношению между ИИ и ИИ-системами: идеология есть чисто теоретический конструкт, она никогда не существовала и не существует в реальности (даже, например, как какая-нибудь научная теория), идеологические же высказывания — это высказывания *ad hoc*, призванные решать вполне конкретные задачи.

Имеют ли приведенные рассуждения какую-либо ценность, кроме (возможно) *сугубо теоретической*? Или, по-другому: важно ли в чисто прикладном или методологическом плане, что такие понятия, как «картина мира» или «идеология», надлежит рассматривать как *ретроспективные*? Этот вопрос требует дальнейшей проработки.

Библиография

- Альтюссер** Л. 2011. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // *Неприкосновенный запас*. № 3 (77).
- Арендт** Х. 2011. *О революции*. — М.
- Жижек** С. 1999. *Возвышенный объект идеологии*. — М.
- Йоргенсен** М.В., Филипс Л.Дж. 2008. *Дискурс-анализ: Теория и метод*. — Харьков.
- Капустин** Б.Г. 2010. *Критика политической философии: Избранные эссе*. — М.
- Мангейм** К. 1994. Идеология и утопия // Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. — М.
- Мусихин** Г. И. 2012. Идеология и культура // *Полис*. № 1.
- Мюллер** Я.-В. 2013. *Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века*. — М.
- Тузиков** А.Р. 2003. *Теории идеологии в западной социологии: От критики «ложного сознания» к анализу дискурсивных практик масс-медиа*. — М.
- Фисун** А.А. 2006. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. — Харьков.
- Фуко** М. 1994. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. — СПб.
- Швирков** О.І. 2010. *Картина світу та політична дія* // *Політичний менеджмент*. № 5.
- Швирков** О.І. 2006. *Проблема штучного інтелекту та людюновимірність штучних інтелектуальних систем*. — Київ.

Pocock J.G.A. 1971. *Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History*. — Chicago.

Skinner Q. 1969. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. Vol. 8. № 1.

Skinner Q. 1974. The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole // McKendrick N. (ed.) *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J.H.Plumb*. — L.

References

Althusser L. 2011. Ideologija i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlja issledovanija) // *Neprikosnovennyj zapis*. № 3 (77).

Arendt H. 2011. *O revoljucii*. — M.

Fisun A.A. 2006. *Demokratija, neopatrimonializm i global'nye transformacii*. — Khar'kov.

Foucault M. 1994. *Slova i veshhi: Arkheologija gumanitarnykh nauk*. — SPb.

Jørgensen M.W., Philips L.J. 2008. *Diskurs-analiz: Teorija i metod*. — Khar'kov.

Kapustin B.G. 2010. *Kritika politicheskoi filosofii: Izbrannye ehsse*. — M.

Mannheim K. 1994. Ideologija i utopija // Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni*. — M.

Müller J.-W. 2013. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka*. — M.

Musikhin G. I. 2012. Ideologija i kul'tura // *Polis*. № 1.

Pocock J.G.A. 1971. *Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History*. — Chicago.

Shvyrkov O.I. 2006. Problema shtuchnogo intelektu ta ljudinovimirmist' shtuchnikh intelektual'nykh sistem. — Kiïv.

Shvyrkov O.I. 2010. Kartina svitu ta politichna dija // *Politichnij menedzhment*. № 5.

Skinner Q. 1969. Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. Vol. 8. № 1.

Skinner Q. 1974. The Principles and Practice of Opposition: The Case of Bolingbroke versus Walpole // McKendrick N. (ed.) *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society in Honour of J.H.Plumb*. — L.

Tuzikov A.R. 2003. *Teorii ideologii v zapadnoj sociologii: Ot kritiki «lozhnogo soznaniya» k analizu diskursivnykh praktik mass-media*. — M.

Žižek S. 1999. *Vozvyshennyj ob'ekt ideologii*. — M.